

ПРЕДАНИЯ О СВЯТОМ КИПРИАНЕ В УСТЮЖСКИХ ЛЕТОПИСЦАХ XVII–XIX ВЕКОВ

Р. П. Биланчук *

Имена святых Киприана, Иоанна и Марии в устно-письменной традиции Устюга Великого связаны с этапом первичной христианизации края и организацией в пределах городской округи первых монастырей.

На древность их культов, длительное время сохранявшихся в форме устных легенд, свидетельствует ранний список (XVI века) Жития Иоанна Устюжского юродивого, в котором «среди имен устюжских святых упоминаются... имена Киприана, Иоанна и Марии: "... и древних онех чудотворцех того града Устюга о праведницах о Иоанне и Марии, положенных у Вознесения Христова и преподобием Киприане в монастыре у святаго архистратига Михаила”»¹.

Легендарная память о первых устюжских святых впоследствии нашла выражение в устюжской летописной традиции. Сказание об Иоанне и Марии, с именами которых связывалось основание Иоанно-Предтеченского монастыря, с завидным постоянством фиксируется во всех устюжских летописях XVI–XVIII веков, образуя пять относительно самостоятельных вариантов предания о святых².

Сведения об образовании Михайло-Архангельского монастыря и его «начальнике» Киприане отсутствуют в ранних устюжских (общерусских) летописях. Интерес к Киприану начинает проявляться с XVII века, когда в соответствии с запросами времени, трансформация уже существующего и обработка нового исторического материала подчиняется задачам не столько

* Биланчук Роман Павлович (Вологда) – историк.

¹ Власов А. Н. Устюжская литература XVI–XVII веков: Историко-литературный аспект. – Сыктывкар, 1995. – С. 34–35.

² Там же. – С. 35–37. Предание о «ясачнике» Буге – татарском сборщике дани – в Устюжской летописи XVI века (Список Мациевича и Архангелогородская летопись) под 1262 годом. См.: Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. – Л., 1982. – С. 30; 70.

прагматического, сколько мемориального характера: сохранить «впредь будущим родом в вечное поминание» события и персонажи местной истории¹.

В период XVII–XVIII столетий комплекс легендарных свидетельств о Киприане был востребован и стал важным фактором эволюции городского самосознания.

В настоящей статье рассматриваются летописные сообщения о святом Киприане, представленные, во-первых, древними легендами о нем и, во-вторых, кратким циклом «чудес», зафиксировавших специфику «взаимоотношений» избранных из числа монашеской братии со своим небесным покровителем и «начальником». Старинное предание и цикл устных рассказов, принявших форму «видений» и «чудес» служат источниками к реконструкции собирательного образа этого святого.

Устный рассказ, как известно, служил первоисточником для «подавляющего большинства летописных сведений»². Первичная фиксация того или иного события в летописи была, как правило, связана с пересказом сообщения очевидца (очевидцев). В позднейших редакциях некоторым сообщениям добавлялось «новое прочтение», явившееся уже не устным рассказом в «чистом» виде, а результатом его творческого развития во времени, то есть преданием (легендой).

Упоминание о наличии преданий, связанных с именем святого Киприана и основанного им монастыря, появляется в местном Устюжском летописце первой редакции под 1492 годом:

«В лето 7000-е... О Архангелском же монастыре достоверного летописца никако возможною изобрести, но точию, иже от древних отец повествуется, Архангелского монастыря первоначалника Киприана святому Прокопию друга бывша, в лета та же живша и преставишаася близ Архангелского мона-

¹ Сербина К. Н. Устюжское летописание XVI–XVIII вв. – Л., 1985. – С. 122.

² Азбелев С. Н. Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла) // Летописи и хроники. 1976 год. М. Н. Тихомиров и летописеведение. – М., 1976. – С. 78 и след. См. также: Алексеев С. В. От предания к летописи: эволюция исторического сознания древних славян // Вопросы истории. – 2006. – № 1. – С. 97–104.

стыря...»¹. Светская направленность сообщений летописца 1679–1680 годов², видимо, не подвигла автора подробнее разузнать у монастырских старцев «детали» древнего предания о Киприане, а они, безусловно, существовали.

Составитель второй редакции (второго вида) местного Устюжского летописца, прямо происходящей из Михайло-Архангельского монастыря, в записи за 6724 (1216) год краткой констатировал факт «воздвижения» на Устюге Введенского и Михайло-Архангельского храмов «за острожной осыпью» монахом Киприаном³. Здесь же, под 6802 (1294) годом указано и точное время «преставления» монаха Киприана «сентября в 29 день, ... в суботу в пятом часу дни»⁴. В данной редакции в сообщениях за 1619, 1653, 1677–1679 годы помещен цикл посмертных «чудес» святого⁵.

Более развернутый вид получает информация о святом Киприане в следующем памятнике устюжского летописания – Летописце Льва Вологдина, составленном в 1765–1767 годах. Киприан предстает «земледелателем... Устюжского уезда Двинской трети Уфтиюжской волости», который «по восприятии монашества» решил в Устюге создать обитель, что и исполнил в 1212 году, найдя подходящее «место при езерах за острожной осыпью». Далее автор акцентирует внимание на благожелательном отношении «граждан» к новой обители, выразившемся в умножении братии и передаче «многая от иждевений своих потребная на сооружение святыя той обители»⁶. Повествуя о дате смерти Киприана, Лев Вологдин повторяя сообщение своего предшественника, указывая на новую дату смерти Киприана – 1276 год, шестой (а не пятый) час сентябрьского субботнего дня. При этом Лев Вологдин добавил, что «начальник монах Киприян и погребен в том же монастыре, близ святых врат. А по времени над гробом его создана каменная церковь во имя Преполовения Господня. Гроб же его внутрь церкви за левым крила-

¹ Полное собрание русских летописей. – Т. 37. – Л. 1982. – С. 108.

² Сербина К. Н. Устюжское летописание XVI–XVIII веков... – С. 87–92.

³ Полное собрание русских летописей. – Т. 37. – Л., 1982. – С. 110.

⁴ Там же. – С. 111.

⁵ Там же. – С. 121–124.

⁶ Там же. – С. 129.

*сом при стпене, и над ним устроена гробница, которая и доныне всеми видима*¹. Появление новых дат создания монастыря (1212 год) и смерти Киприана (1276 год) вызвано, видимо, опи- ской автора или позднейших переписчиков.

Наиболее полное развитие всякого рода «воспоминаний» о монахе Киприане фиксируется в другом памятнике позднего устюжского летописания – анонимном «Летописце», происходящем, также как и Летописец 1679–1680 годов, из Михайло-Архангельского монастыря. Текст летописца содержится в рукописном сборнике-конволюте середины XIX века². Последняя запись в данном памятнике датируется 31 декабря 1839 года, и повествует о назначении архимандритом в Михайло-Архангельский монастырь Августина, переведенного из Сольвычегодского Введенского монастыря.

Поводом к составлению летописца явился, вероятно, запрос вологодского Преосвященного о предоставлении дополнительных сведений по истории Михайло-Архангельского монастыря в рамках добавлений и исправлений к вышедшей за авторством Преосвященного Амвросия «Истории Российской иерархии»³. Во всяком случае, сообщения данного «Летописца» активно используются составителем церковно-исторического описания монастыря, находящегося в том же рукописном сборнике⁴.

Структура «Летописца» достаточно проста, а событийный ряд, вне зависимости от содержания сообщаемого, имеет четкую хронологическую последовательность. В тексте источника можно выделить две части. В первой, повествующей о самой отдаленной истории обители с момента ее основания, основной упор делается на письменную фиксацию старинных монастырских преданий о «начальнике» Киприане. Основу хронологической

¹ Там же. – С. 130.

² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. I. 788. Л. 62–83. Данный сборник середины XIX века содержит материалы церковно-археологических описаний монастырей Вологодской епархии.

³ Амвросий, архим. История Российской иерархии, собранная архимандритом Амвросием: В 6-ти ч. – М., 1807–1815.

⁴ ОР РНБ. Ф. I. 788. Л. 32–61 об. «Описание Велико-Устюжского Второклассного Архангельского монастыря». Описание составлено после 1845 года.

канвы второй части Летописца составляют сообщения о последовательной смене настоятелей обители, а также реконструируются некоторые важные вехи истории монастыря: представление близ монастырской ограды друга и собеседника Киприана – святого Прокопия, устюжского чудотворца (8 июля 1303 года); строительство новых крепостных стен в Устюге и, соответственно, – новой монастырской ограды (1438 год); чудо мироточения от многих монастырских икон (20 мая 1517 года); присылка великооктябрьских грамот, подтверждающих права «владения вечного» монастырскими вотчинами (1511 и 1536 годы) и судебного иммунитета (1551 год) и другие.

В тексте летописца встречается целый ряд интересных, уникальных для местной истории сообщений. Например, под 1641-м годом отмечено убийство «злодейственными руками» преподобномученика Симона (Воломского) и описано призвание на его погребение из Михайло-Архангельского монастыря иеромонаха Ефрема. Под 1741-м годом зафиксирован привоз из Москвы архимандритом Боголепом и торжественная встреча устюжанами точной копии образа Благовещения Пресвятой Богородицы («Благовещение Устюжское»), с XVII века считавшийся горожанами «тем самым образом», перед которым молился святой Прокопий во время «нахождения» на Устюг «каменной тучи». В записи за 1761 год указывается примечательный эпизод крещения в данной обители одного из солдат Архангелогородского гарнизона из «макометанского закона» в православие. Заслуживает внимание подробное описание постройки и реконструкции храмов Михайло-Архангельского монастыря в 1653 и 1663 годах.

Естественным образом встает вопрос об источниках данного «Летописца». Сличение его текста с содержанием более ранних известий, сохранившихся в составе «Устюжского летописного свода» и летописцев XVII–XVIII, показывает, что большую часть информации, частично переработанной, составитель Летописца 1839 года брал именно оттуда. Материалы устюжских летописей «разбавлялись» сообщениями актовых источников XVI–XVIII и других официальных документов из монастырского архива. Сообщения XIX века лежат в пределах «живой памяти» составителя.

Таким образом, «Летописец» 1839 года носит компилятивный характер и представляет характернейший образец летописных, вернее – псевдолетописных, произведений, появление которых было столь характерно для устюжской письменной традиции в XIX – начале XX веков.

Итак, каким же представлялся выходящий из глубокой древности «собирательный образ» «начальника» Киприана для монаха этой обители в XIX столетии. Во-первых поздняя устная монастырская традиция сохранила эпические характеристики героя – основателя монастыря. Киприан представляется долгожителем (его земная жизнь по справедливому замечанию историка А. А. Турилова явно выходит за рамки «нормального человеческого существования»¹), обладающим недюжинной физической силой и чудесными же физическим возможностями: Киприан «един день преодолел, аки крепкий, из Устюга в Устюжскую волость, в село наследственное свое, приложенное же монастырю, до коего села разстояния считают прямым путем около ста десяти верст. Таковым своим легкошествием как на облаце переносим он был и в другие места, куда необходимая нужда требовала шествовать, и тем многих приводил к удивлению». Вызывает пристальное внимание камень, «которым начальник Киприан пред созданием обители по значенному бысть ограде монастырской месту прокатывал, величиною был во все стороны поболее человеческих главы...»; «мокрое место», выбранное для основания обители, чудесным образом вскоре стало «просыхати, так что не по многом времени и удобно устроися к созиданию монастыря»². Эпический масштаб героя повествования присутствует и в деталях. По завещанию святого Киприана длительное время «общий хлеб, который для всей братии пекли, каждая коврига не менее пуда весом была. И называл он [Киприан] те хлебы просворами. Таковое за-

¹ Турилов А. А. О времени основания Михайло-Архангельского монастыря в Великом Устюге // Смирнова Э. С. Иконы Северо-Восточной Руси: Ростов, Владимир, Кострома, Муром, Рязань, Москва, Вологодский край, Двина. Середина XIII – середина XV века. – М., 2004. – С. 211–212 (прил. к Каталогу № 5).

² ОР РНБ. Ф 1. 788. Л. 63–63 об.

*вещание его и исполняемо было уже и по кончине его через многие годы, что свидетельствует еще и ныне в живых находящиеся те, кои видали, что таковы печены хлебы были даже около 1730-го года от Рождества Христова*¹!

Незадолго до своей кончины у Киприана, по преданию, обнаружился дар пророчества: «*И будучи ...вкупе с братиею во едином месте, – продолжает составитель летописца, – по обыкновенном своем к ним душеполезном беседовании-увещании же и поучении, аbie таинственном Божием откровением исполненный, начал им предвещати хотяща быти обители сей в последующии лет и иное прикровенно говорил, иное же и явно сказывал. И во-первых говорил, что будут в последующие годы животные двуглавые (двоеглавыми называл он, по мнению некоторых, человеков, носящих на главах своих перуки), которые разорят трудами моиши построенную обитель, отимут от нея самое нужное ея довольствие и содержание, и потому будет обитель в скудости. По прошествии же некоторого времени возвращено будет ей взятое, но только жить и править оным будет некому. Еще предсказал он, что будут жить нутрь сея обители не только мирских мужских лица, но и женских. И сие говорил он не за многое время пред своею кончиною*

².

Обращает на себя внимание и знаковая связь Киприана с юродивым Прокопием, с XVI столетия ставшим главным патроном Великого Устюга. Киприан является его другом и собеседником; последние часы своего земного бытия Прокопий проводит у стен Михайло-Архангельского монастыря, где, по традиции и было обретено его тело, чудесно присыпанное выпавшим летним снегом³.

Важной составляющей «Летописца» 1839 года являются «чудеса» основателя обители монаха Киприана, которые достаточно корректно вписаны автором в общую хронологическую канву памятника. Исследователь А. А. Романова в статье «Словаря книжников и книжности Древней Руси» указывает на существование двух произведений о «чудесах» Киприана: упомя-

¹ Там же. Л. 63 об. – 64.

² Там же. Л. 64.

³ Там же. Л. 63.

нутого выше летописца Устюжского Архангельского монастыря 1839 года, а также литературного пересказа предания о Киприане и «чудес» этого летописца в сочинении «Жизнь и сказание о основателе обители Устюжского Архангельского монастыря преподобном отце нашем Киприане» (ГБЛ. Ф. 199. № 326. Л. 37–62)¹. Исследовательница не берет во внимание наличие развернутых сообщений («чудес») об устюжском святом в составе опубликованного монастырского летописца (упоминавшаяся выше вторая редакция Устюжского летописца первой половины XVIII века). Напротив, А. Н. Власов (вслед за К. Н. Сербиной), характеризуя «чудеса» Киприана Устюжского, опирается исключительно на монастырский летописец 1746 года². Сличение двух основных списков «чудес»: в летописце 1746 года и летописце 1849 года, показывает подчиненное положение позднего списка. «Чудеса» Киприана не составляют здесь самостоятельной редакции и являются лишь более-менее точным пересказом оригинала. Таким образом, на сегодняшний день известна лишь одна самостоятельная редакция «чудес» (в летописце 1746 года) и его в той или иной мере «белетризованные» производные в позднейшей письменной традиции.

«Чудеса» святого Киприана можно отнести к жанру так называемых «монастырских видений», представляющих опыт общения монастырской братии с ушедшими святыми – основателями обителей³. В этих простых, безыскусных рассказах, записанных во второй половине XVII века, образ Киприана подается с иных позиций. Здесь мы имеем традиционную для средневековой агиографической литературы схему, которой присущ повышенный интерес к разного рода «явлениям» и «видениям», и в основе построения которой лежат представления о связи живых и мертвых. В принципе «мертвых» в такой схеме вообще нет, есть лишь иное измерение посмертного существования. Основатель обители святой Киприан выступает небесным помощником

¹ Романова А. А. Чудеса Киприана Устюжского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Вып. 3: (XVII в.). – Ч. 4 Т-Я. – СПб., 2004. – С. 237–238.

² Власов А. Н. Устюжская литература XVI–XVII веков... – С. 38–39.

³ Рыжова Е. А. Жанр видений в севернорусской агиографии // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. – СПб., 2005. – С. 163.

своему монастырю и его трудникам. Его помощь и соприсутствие в монастырских делаах настолько реальны, «телесны», «осозаемы», что для монашествующей братии он на протяжении столетий никуда не уходит из обители, наставляет избранных, жалуется им же, что ему «тесно лежать» среди множества мертвых и т. п. Его «небесное» существование опредмечено контактами с живыми, оплотнено проблемами сугубо «материального» характера.

Подведем предварительный итог. В агиографической традиции Устюжского края образ основателя древнего монастыря носит выраженный «переходный» характер. Приписываемые устной памятью устюжан «личностные» характеристики и качества Киприана сближают его с героями ранних эпических повествований о первых святых края. «Чудеса» святого Киприана, составленные по рассказам насельников Михайло-Архангельского монастыря в XVII веке, объективно занижают эпический статус первого «начальника» обители, акцентируя внимание на «взаимоотношениях» Киприана и избранных им для общения членах монашеской общины. Тем самым святой явно теряет качества общегородского святого (о них напоминают лишь свидетельства о дружбе с Прокопием Устюжским) и становится патроном исключительно Михайло-Архангельской обители.

Анонимному составителю «Летописца» 1839 года, продолжившему традиции монастырского летописания, удалось не только проследить вехи истории обители, но и фактически «вчерне» воссоздать Житие святого Киприана, сохранившееся в виде устных преданий или отрывочных записей этих преданий, оставшихся в монастырском архиве с XVII столетия – времени подготовки предполагаемой канонизации святого.

Далее публикуются извлечения из «Летописца» 1839 года, касающиеся преданий о житии святого Киприана и его посмертные «чудеса».

(Л. 62) *Летописец* (извлечения)

Святая сия и богоспасаемая обитель начата созидаться по древнему Устюжскому летописцу в лето от создания мира шесть тысяч семь сот два десятое, от Рождества же Христова тысяча

двести второе на десять. Построена же и в совершенство прииде в лето от создания мира 6724-е, а от Рождества 1216, при державе благоверного и великаго князя Константина Всеялодовича Ростовскаго.

Первый строитель святыя сея обители бысть муж добродетельный, от родителей христианских рожденный, которые жили в Двинской трети в Уфтижской волости в деревне, зовомой Савкино, а упражнялись в земледельчестве, с коими и пребывал же в общественных земледельческих трудах в юных летах своих. Егда же пришел в совершенный возраст, то Божественным Духом возбужден будучи, оставил вся красная и скоропреходящая мира сего, прииде в град Устюг, тогда еще новонаселяемый в Черном Прилуке на сухонском берегу и нача в нем житействовать. Не по мнозе же времени восприя на себя иноческий святый образ и наречен в монашестве именем Киприан (в белечестве же какое имя ему было и в каком монастыре пострижен, в Троицком ли Гледенском, тогда существовавшем или ином каком – о том не известно).

По восприятии же монашества граждане устюжские, видевшие благоугодное его житие, убеждали прозбами своими, чтоб он избрал удобное место и создал обитель святую к населению монашествующих.

Той же благополучный муж, слыша сие, с радостию на себя восприя сей благий ярем послушания и, общед кругом города для рассматривания места, наконец прииде на сие, где же ныне обитель стоит. Сие место близ острожной остыни положение сие имело и не весьма сухо, исполнено бо было небольшими озерами, которых тогда до седми, по близости одно другаго, было. И первое озеро, что ныне имеется по восточную сторону за оградой монастырской; второе за оградой же прямо восточно-полуденного угла монастырского. И сии оба наполняю(Л. 62 об.)тся водою, текущую из под Яиковской горы и из под Ивановского овала. Третие озеро вне ограды на северо-западном углу; и два, то есть четвертое и пятое, внутрь ограды именуются по северную сторону и по полуденную святых врат. Шестое же на полуденной стороне вне монастыря, близ полуденно-западного угла. Через сии четыре озерка протекает, наипаче в весеннее время, снежная, а летом с великих дождей с плоскости онаго места скопляющаяся речка, названная издревле Кринкою, по причине тут растущих кринов, или цветов, через кои она протекает. Седьмое озеро было по западную сторону монастыря, идучи в собор на левой руке, недалече от дороги. Все сии седмь озер в тогдашнее время неизыхающую имели воду, но в последующие годы уже совершенно изсохли так, что на оных местах ныне уже имеются обывательские дома, как на за-

падной, так и на полуденной сторонах. Ныне же только существуют три: одно по восточную сторону монастыря за оградой и два внутри ограды, но и те тогда же, когда был монастырь в цветущем состоянии, властями были разчищаемы для содержания речных рыб, из коих и проведены из одного в другое трубы для течения воды.

И так сие место посредь таковых озер влажное избрал и паче прочих возлюбил строитель монах Киприан, или лучше сказать, Бог изволил на оном прославиться Своему имени. Егда же утвердил он намерение свое, еже на сем месте созидати обитель, то востав и усердную молитву к Богу прости, прося о помощи Его в начиаемом деле, дабы о нем же самом и в совершенство привести возмог. И взем лежащий тут камень прокатил оным по тому месту, по которому назначил был ограде монастырской. И тое чудное действие милосердный Господь сотворил по вере раба своего подобно древних чудесам, ибо всеконечно от того времени нача оное мокрое место просыхати, так что не по многом времени и удобно устроися к созиданию монастыря.

Вида монах Киприан тое явное Божие благословение и благоволение в том, аки перстом показующее, возврадовася, и паче первого усердным духом возгореся, нача касатися самыяго дела. И первые постави келию для пребывания своего, дабы быть неотлучну во время строения и труждатися вкупе с труждающимися. Потом построил рядом две деревянные церкви: едину с полуденной стороны теплую Введению Пресвятей Богоро(Л. 63)дице, другую же с северной стороны холодную во имя собора архистратига Михаила и прочих небесных сил безплотных; и украсил святыми образами. По совершении же церквей огради кругом деревянною пространною оградою и созидаше внутрь тоя келлии для покойного пребывания хотящим с ним сожительствовати. И таковым образом устрои святую сию обитель и все свое наследственное движимое и недвижимое имение, как то: вотчины, сенные покосы и прочее – приложи в вечное владение к обители сей. И от того времени начала обитель святая сия распространятия и всяким довольствием изобиловати.

И тако живущему ему во обители и престевающу день от дне в добродетели, многие от граждан и от окрестных поселян ревнующе по Бозе таковому его житию, начата приходити к нему и сожительствовати, приносяще в дар обители ов убо села, яко же и во дни апостольския, других же от имени нечто, а иные точно самого себя и волю свою покоряя ему и препоручая. Он же приимаше всех с радостию и наставляше на истинный путь покаяния, подая всем во образ самого себя. И сицевым образом в малом времени не малый собрася собор лиц иночествующих; и нарекоша тогда братия строителя своего, монаха Киприана, начальником святыя обители сея. Как и во ис-

тину все имена его яко Отца и Пастыря и наставника монашескому житию.

Начальнику Киприану был друг и советник во всем благом в то же время жительствовавший у соборных Успения Пресвятая Богородицы церкви. Христа ради проходивший юродственное житие святой праведный Прокопий, который нередко посещал его, приходя в обитель и беседуя о пользе душевней и о благосостоянии города и моляхуся вкупе Господу Богу о мире всего мира.

Во устех многих обносится о начальнике Киприане сие даже и поныне, что он был воздержанного жития и крепкого сложения человек и таковую благодать, данную от Бога имел в хождении своем, что в един день преодолел, аки крепатый, из Устюга в Уфтиюжскую волость, в село наследственное свое, приложенное же монастырю, до коего села разстояния считают прямым путем около ста десяти верст. Таковым своим легкошествием как на облаце переносим он был и в другие места, (Л. 63 об.) куда необходимая нужда требовала шествовать, и тем многих приводил к удивлению.

Не менее еще и сие многих приводит во удивление, что тое село, в коем он родился и воспитан, состоит близ берегу реки Уфтиоги, которая река самым своим стремлением прямо пришла на оное село и надлежало бы в разсуждении подобных тому мест рекою повсягодно, а наипаче в весеннее время, подмывать берег и сносить. Но Бог за молитвы угодника Своего отвратил тое стремление на другую сторону реки, кое и обошло кругом около села, оставя его нимало невредимо.

Оный камень, которым начальник Киприан пред созданием обители по значенному бысть ограде монастырской месту прокатывал, величиною был во все стороны поболее человеческия главы. Тот камень держал он всегда в келлии своей для того наипаче, что чрез него свободождался от уныния и излишняго сна таким образом: когда он в молитве и богомыслии упражнялся, или душеполезных размышлениях, то по человечеству угнетаем сном или унынием, и для прогнания онаго взимал тот камень в руки и держал в сплетенных перстами руках своих пред собою по тех пор, пока преодолен будучи сном испустит оный из рук своих, и тем падением и стуком паки возбуждался на общение и совершенно ободрялся. Тако изнурял он себя всегда и сицеве к бодрствованию подавал он образ и прочей братии.

Междуд прочими завещаниями начальника Киприана и сие сохраняемо было в обители. Что общий хлеб, который для всей братии пекли, каждая коврига не менее туда весом была. И называл он те хлебы просворами. Такое завещание его и исполняемо было уже и по кончине его чрез многие годы, что свидетельствует еще и ныне в живых находящиеся те, кои видали, что таковы печены хлебы были даже

около 1730-го года от Рождества Христова. В бытность же архимандрита Пахомия уменьшение начало производиться, хлебы менее стали весом пек(Л. 64)чи, а в последующие годы и еще гораздо они уменьшены, так что едва мало более половины против завещанного делаются.

Егда же по многих благоустройствах и изрядных правлениях достижже начальник Киприан совершенных лет старости своея, по создании же обители исполнился шестьдесят четыре лета. И будучи во един от дней вкупе с братиею во едином месте, по обыкновенном своем к ним душеполезном беседовании-увещании же и поучении, аbie таинственном Божием откровением исполненный, начат им предвещати хотяща быти обители сей в последующии лет и иное прикровенно говорил, иное же и явно сказывал. И во-первых говорил, что будут в последующие годы животные двуглавые (двоеглавыми называл он, по мнению некоторых, человеков, носящих на главах своих перуки), которые разорят трудами моими построенную обитель, отимут от нея самое нужное ея довольствие и содержание, и потому будет обитель в скудости. По прошествии же некоторого времени возвращено будет ей взятое, но только жить и править оным будет некому. Еще предсказал он, что будут жить нутрь сея обители не только мирских мужских лица, но и женских. И сие говорил он не за многое время пред своею кончиною. Потом же заповедал им хранить твердо устав монашеской жизни и не нарушать нерадения своего ради от святых отец преданная и заповеданная. Наконец же и сие им выговаривал: «Простите, братия моя возлюбленная, все, еже чим коего от вас в жизни сей оскорбил, и ведайте, что ежели я от Господа получимость, на Которого я во всю мою жизнь надежду полагаю, то и по преставлении моем обитель сия не оскудеет. Притом же и вы, ежели слов моих послушаете и будете заповеди все исполнять, приимете стопричное воздаяние».

И так, по многих трудах и подвигах монашеских, окончит течение многомягчеснья жизни сея первый строитель и начальник общаго жития Устюжского Архангельского монастыря монах Киприан, к великому огорчению и слезам подвигнув все оставшее в обители братство. Преставися же в лето от создания мира 6784-е, от Рождества же Христова 1276-го, месяца сентября в 29 день, в шестом часу субботнаго дня. И сие есть знаком не (Л. 64 об.) малого милосердия Божия ему явленного, что в день покоя (суббота бо упокоение толкуется) освободился он от многотрудного сего пребывания, преселяся в вечное упокоение. Погребено тело его внутрь монастыря меду святыми вратами и холодною церковию Архистратига Михаила, на сре-

дине, немнога севернее святых врат. И тот самый камень, которым он уныние прогонял, как выше писано, и другие свойства производит, положен на гробе его. По времени же построена над ним деревянная часовня и внутрь оныя поставлена гробница – близ северных стран.

При жизни начальника Киприана и по представлении его святая сия обитель час от часу все более и более всяким удобствием и изобилием возрастала и до толикой степени достигла, что могла равняться со многими главными монастырями. Что касается до благотворения, то многие от нея довольство получали из отставных заслуженных военных солдат; многие питаемы были изобильно, вносящие по возможности своей вклады; многие в убожестве и скучности сущие в онную приходя, пыталисьаждодневно; также и в последующие годы учащиеся в здешней семинарии ученики немалою частию, что до содержания как касалось, довольствовались.

Примечания достойная любовь сея обители братства к начальнику своему Киприану, ибо не токмо при жизни его они были ему верны и почитательны, но и по представлении его не менее к нему были расположены. Как из сего примечается, что по кончине его оставшаяся мука, которая была еще самим начальником Киприаном для всего общества приготовленная, из коей хлебы для братства пекли, хотя исперва и немалое количество осталось, однако с такой бережливостию и честностию сохранили, что по самой малейшей части онья клали в каждую квашню, когда случалось хлеб пекчи, такой ради причины, чтобы оную на многия лета продолжать, яко отеческий оставшийся дар и благословение. Хранилась же оная мука чрез толь многие годы в особливом сосуде, что небольшую часть ее уже видали ныне в живых еще находящиеся, которые тогда были служителями в обители (Л. 65) сей. А сказывают, утверждая сие истинною, что скончалась оная годов за 30 до отведения вотчин, или еще и менее, ибо в том подлинно утвердить не могут. Сие же самое и нынешние потомки могут свидетельствовать, что в тое время, как хлебы в печь пекутся, особливое некое велие благоухание чувствуемо было, не токмо в хлебной той келлии, но даже и по всей ограде монастырской. Хлеб же тот принят был к вкушению, что во многие дни жители града сего брали ово ради благословения, ово же приятности ради оных.

<...>

В лето же от создания мира 7122-е, а от Рождества Христова 1614-е...

Того же года прииде во обитель сию человек боярский именем Иоанн, прося архимандрита Варлаама и братию о принятии его во обитель, желая хотя и малое время потрудиться, и принят по прозбе

его и определен в сторожескую службу. Сей Иоанн был родом крымец и приехал с боярином своим в Устюг, и остался от него, приняв святое крещение. И находящусь ему в сторожеском служении, во едино полуночное время вышел он из сторожки для осмотру во обители, и в той час увидел сквозь скважню часовни, где погребен начальник Киприан, огненную светлость. И испужавшись он побежал к келлии живущаго близ Святых врат Нифонта, иеродиакона и уставника сея обители, и поведал ему о светлости в часовне виденной. Но Нифонт, сперва тому не поверивши, отослав его обратно, говоря: «Какому огню быти тамо? Поди, осмотри осторожнее и не смущайся». Иоанн же удостоверил его с клятвою, что чувствительно видел (Л. 66 об.) свет. Когда пошел он обратно от нифантовой келлии и посмотрел скважнею в часовню, но уже более света того было не видно.

После первого видения недели в две тот же сторож Иоанн по обыкновению своему в полуночное время вышел в доску бити, паки увидел в часовне большие прежняго свет и, отложивши от себя страх, прибежал той часовни в пантерь и приникнув в скважину и се аbie видит: пред Спасителевым образом на хоругве изображенным, свещу светящуюся весьма светла, а на гробнице седящаго старца и держащаго в единой руке посох, и в другой же две возженныя свещи. На гла-ве у него блещалась шапка золотая, да такова же златовидна сперед на нем виделась и одежда. По всей же той часовне видна была, аки летом, на лучах зеленая трава вышиною в четверти, которые ни прежде того, ни после никогда не бывало. Седящий же той благоговейный старец выговорил умленным гласом вслух: «Добре мне здесь, мокро лежать». Услышав те слова Иоанн ужаснулся и побежал паки к тому же уставнику иеродиакону Нифонту, возвещая ему о виденном и слышанном. Уставник же, слышав сие, воспрянув и скоро пойде к часовне, хотяше и сам тое видети, но не сподобился, ибо Иоанн прежде пришедшее ту посмотрел, но ничего уже более и он не удостоился видеть. И обратясь назад встретивши уставника поведал ему, что и свету теперь не видно. На утре уставник поведа архимандриту и всей братии еже виде Иоанн, а при том же и сам Иоанн призван и спрошен и сказал все по ряду пред всем собором. И еже у него из уст слышахом, тое зде и написано. Утра же того учинили всем собором хождение со кресты и со святыми образами и со звоном в часовни пели над гробом большую панихиду. И от того времени начали по вся субботы петь панихиды, а внутрь часовни и около ея кругомсыпали песком, дабы вода под часовню не подходила.

В лето от создания мира 7129-е, от Рождества Христова 1621-е, при том же архимандрите Варлааме, посланы были из ея оби-

тели (Л. 67) старец Савва и с ним слуга монастырской Иван Александров в Верхотурье для отвезения крупы, толокна и муки тамо живущим стрельцам, пушкарям, затинщикам и прочим государевым служивым людям. По приезде в Верхотурье отдали те запасы и обратно паки поехали к Устюгу. И будучи у Соли Камской у Спаса на Пыскоре под монастырем на берегу Камы реки, сели хлеб ясти. С ними же тогда ехал к Устюгу устюжской целовальник Исидор Казаков. Оный Сидор дал Иоанну слуге ясти Белаго некоего корни, назвавши его одолеем. И Иоанн того корни как только погрыз зубами немногого ради здоровья, то в том час кинулась ему в гортань презельная горесть, от которой горести сделалось в утробе его великое смущение и повреждение и начал непрестанно кашлять, и в том час так приняла его болезнь, что и от места того встать не мог, едва смерти тут не вкуси. Оттут же с великой нуждой в Устюг и почти уже полумертваго в монастырь привезли. И по привезении через годичное время еще годичное время находился в той тягчайшей чахотной болезни, кашлял и плевал все гноем, потому что во внутренности его все гнило. В то время от многих врачев ища себе помощи, корени, трав и иных лекарств много пришмал и издержал на сии врачевании денег четыре рубли, но ни малой пользы и помощи от них не получил. И тогда-то, уже видя себя в крайности последней, возмоглся со всем своим усердием преподобному отцу Киприану, начальнику Архангельской обители и обещался над гробом его в часовне панихиду большую отправить и покров на гробницу положить. И так обещанное вскоре самым делом исполнил. Скончавшеся убо панихиде и покрову на гробницу положену бывшу и он, Иоанн, взяви из гробницы его песочьку и положив в воду испил, и аbie в том самом часе милостию Божию и молитвами преподобного бысть весь здрав, аки никогда же болел, ибо гной унялся, кашель престал и во всей внутренности почувствовал здоровье. От того времени, даже до смерти своей, обещался он безмездному его врачу, преподобному отцу Киприану в знак своей благодарности по вся утра ходить в часовню и припадая с усердием молитися и ко гробу его прикладыватися.

<...>

В лето от сотворения мира 7158-е, от Рождества же Христова 1650-е...

В сие текущее время был во обители сей келарь монах Иосиф, находящийся при хлебной службе, которому многократно начальник Киприан являлся ово во сне и ово на яве, а из сего можно признавать, что он его любил крайне.

В первый раз явился ему во сне, когда он находился по повелению архимандрита и братии за невоздержное свое пьянство в монастырском смирении, в цепе, увещая его с великим прещением, чтобы всячески воздержался от пьянства. И когда начал Иосиф припадать к ногам его и со слезами просить в том своем согрешении прощение, то в то время сказал ему преподобный: «Бог да простит тебя, только впредь того не твори». И в то самое время сали железа с выи его спадоша. Тогда же и архимандриту вложился в сердце сожаление о нем, которой того же часа послал слугу своего для освобождения. Слуга же пришед и увидел его уже чувствительно освобожденного.

Во второй раз явился ему чувствительно, когда втуне со Онуфрием пришли они для моления в часовню. Онуфрий убо открывши покров, лежащий на гробнице, выговорил: «Преподобне Киприане! Востани и подаждь твое благословение пришедшему к тебе сему келарю для испрошения онаго». И преподобный в ту же самую минуту востал от гроба и благословил их обоих, а при том Иосифу тако: «Ежели бы ты мне недруг был, то б никогда я тебя не посещал».

В третий раз тот же Иосиф келарь пред строением каменного теплого Введению Богородицы церкви видел начальника Киприана у часовни тешущаго белой камень, а при том слышал его говорящего тако, что «будет в сей обители церковь теплая каменная, сего ради при строении оныя потрудися и ты, Иосифе».

<...>

В четвертый раз явился начальник Киприан вышеписанному келарю Иосифу, повелевая ему перенести себя из той часовни в иное место, говоря: «Не могу здесь быть смрада ради исходящаго от умерших и стесняем от всех стран лежащих множеством».

В пятый раз тот же келарь Иосиф пришел в часовню помолиться и гроб преподобного по обыкновению целовати и се увидел, что гроб его лежал чувствительно поверх земли, в котором моши преподобного в целости, не тленны. И в то же самое время тут в часовню пришли от святых врат три светолепные мужи и говорят, что «начальнику Киприану не изволи более в часовне почивати утеснения ради лежащих в близости ему мертвцев и намерены мы ныне перенести его на полуденную сторону холодной каменной церкви». А при том еще выгово(Л. 70)рили Иосифу: «Иосиф, пособи и ты нести преподобного с нами».

<...>

В шестый раз тот же монах и келарь Иосиф видел начальника Киприана седящего под папертью холодной церкви, от восточной стороны под окнами, когда пришел он тут с полуденной стороны. Гроб его стоял в углу от стороны церковная. И тогда выговорил он

ему, что «моего изволения нет здесь опочевати, для чего вы перенесли?». Видением же во всем подобен он архимандриту Арсению.

<...> (Л. 70 об.)

В седьмый раз явился начальник Киприан келарю монаху Иосифу и говори ему с запрещением следующее: «Удержи язык твой и служителей не оскорбляй. А сие было на сыропустной неделе 7187-го [1679 год – Р. Б.], аки бы пришел он в часовню помолитися и тут слышал сие запрещение.

В неделю Православия совет был в братстве о избрании новаго келаря и все полагались еже быти прежнему келарю монаху Тимофею Бестужеву. Однако сверх своего, мнение пришедшее вопросиша о сем келаря монаха Иосифа, который сказал им на то, что преподобный Киприан монаху Тимофею совсем от келарской службы отказал. Так совершенно сие и сбылось, ибо тот монах Тимофеи в келарской службе уже до кончины своей не бывал.

<...>

Российская Национальная библиотека. Отдел
рукописей. F I. 788. Л. 66–70 об.

